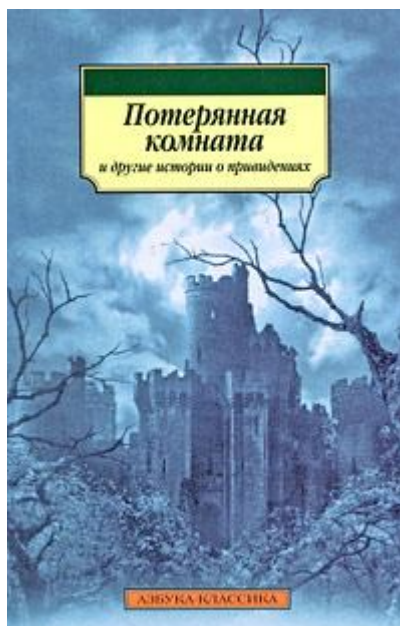

Чарльз Диккенс Сигнальщик

Чарльз Диккенс СИГНАЛЬЩИК

– Эге-ге, там, внизу!

Когда я его окликнул, сигнальщик стоял у дверцы будки, держа в руке свернутый флажок. Учитывая характер местности, следовало ожидать, что он сразу догадается, откуда послышался голос, но вместо того, чтобы взглянуть вверх – на край крутого откоса, нависавшего чуть ли не у него над головой, он обернулся назад и впился взглядом в железнодорожное полотно. Прodelал он это на какой-то особый манер: впрочем, объяснить, в чем тут состояла странность, я бы затруднился. Но повел он себя действительно странно: ведь привлекло же что-то в нем мое внимание, хотя его укороченная расстоянием фигура терялась в тени на дне глубокой выемки, я же стоял высоко над ним, облитый лучами грозно пламеневшего заката, – мне даже пришлось заслонить глаза рукой, прежде чем я сумел его различить.

– Эге-ге, внизу!

Сигнальщик снова развернулся и посмотрел вперед и только потом, задрав голову, заметил меня высоко над собой.

– Есть тут тропинка, чтобы я спустился к вам – на два слова?

Сигнальщик, не отвечая, продолжал меня разглядывать, и я не спешил повторять свой досужий вопрос. Тем временем воздух слегка задрожал, земля под ногами еле заметно сотряслась и тут же мощно заколыхалась: стремительное приближение паровоза заставило меня отпрянуть, будто меня могло скинуть с верхотуры. Когда поезд пронесся мимо и застлавшие обзор клочья пара понемногу рассеялись, я снова бросил взгляд вниз и увидел, как сигнальщик сворачивает флаг, который он держал на вытянутой руке, пока состав не прошел.

Я повторил свой вопрос. Выдержав паузу и не переставая пристально в меня всматриваться, сигнальщик ткнул свернутым флажком куда-то вверх и вбок – на две-три сотни ярдов в сторону от места, где я стоял. Я крикнул ему, что понял его знак, и пошел, куда он указывал. Внимательно огляделся и обнаружил извилистую неровную тропу, которая вела вниз.

Выемка была на редкость глубокой, с почти отвесными скатами; рыхлая поверхность камня под моими подошвами делалась все более влажной и вязкой. Поэтому спуск оказался достаточно долгим, и мне хватило времени подивиться тому, с какой неохотой – чуть ли не против воли – сигнальщик показал мне дорогу.

Пропетляв по зигзагообразной тропе и очутившись невдалеке от сигнальщика, я увидел, что он стоит между рельсами, по которым только что промчался поезд, и в его напряженной позе угадывалось ожидание. Левой ладонью он подпирает подбородок, левый локоть опирается на ладонь правой руки, прижатой к груди. Вид его выражал столь острую настороженность, что я на секунду остановился в недоумении.

Ступив наконец на железнодорожный путь, я подошел к сигнальщику: это был темноволосый человек с нездоровым цветом лица, густобровый и чернобородый. Его пост находился в месте самом что ни на есть безотрадном и уединенном. По бокам выемку замыкали иззубренные откосы из мокрого камня, оставляя над головой лишь неширокую полоску неба; с одной стороны это громадное узилище уходило, изгибаясь, вдаль; с другой, менее протяженной, горел угрюмым красным светом семафор и зияла еще более угрюмая горловина непроницаемого темного туннеля, массивная и грубая кладка которого наводила тоску. Так мало проникало сюда солнечного света, что тяжелый могильный запах не разгоняли даже порывы ледяного ветра, пронизавшего меня до мозга костей таким холодом, будто я покинул земные пределы.

Сигнальщик еще не успел пошевелиться, как я приблизился к нему вплотную. По-прежнему не сводя с меня глаз, он отступил на шаг и вскинул руку.

Место службы тут, видно, безлюдное (начал я), и оно меня заинтересовало, как только я увидел его сверху. Посетители, наверное, здесь большая редкость, но, можно надеяться, их визиты не всегда нежелательны? Перед ним человек, который всю жизнь провел взаперти, стиснутый тесными рамками, а теперь, оказавшись наконец на воле, желал бы утолить проснувшуюся тягу к таким вот грандиозным сооружениям. Речь моя сводилась примерно к этому, но я далек от уверенности, в точности ли так выразился; я и всегда-то не умел удачно завязать разговор, а сейчас в облики собеседника что-то меня обескураживало.

Сигнальщик вперил взгляд в красный семафор возле горловины туннеля, изучил его самым внимательным образом, как если бы в нем чего-то недоставало, а потом снова повернулся ко мне.

Надзор за семафором, кажется, входит в обязанности сигнальщика?

Сигнальщик негромко спросил:

– А разве вам об этом неизвестно?

Я пристальней вгляделся в тусклое лицо собеседника, в его недвижно застывший взор и вздрогнул от жуткой мысли: что, если передо мной не простой смертный, а призрак? Нельзя было отделаться и от подозрения, что с рассудком у него не все ладно.

Теперь и я попятился, но при этом поймал мелькнувшую у него в глазах тревогу: он как будто втайне меня опасался. Мои нелепые страхи тут же рассеялись.

– Вы так на меня смотрите, – произнес я с натянутой улыбкой, – словно я внушаю вам ужас.

– Я засомневался, – пояснил сигнальщик, – не видел ли вас раньше.

– Где?

Сигнальщик указал на красный фонарь семафора.

– Там? – переспросил я.

Не спуская с меня глаз, он еле слышно обронил:

– Да.

– Дружище, да что мне там делать? Ладно, скажу вам как на духу: я никогда там не бывал, можете под присягой это подтвердить.

– Пожалуй, смогу, – согласился сигнальщик. – Да, наверняка смогу.

Скованность его отпустила, меня тоже. Он с готовностью отвечал на мои вопросы, подыскивая слова поточнее. Много ли у него хлопот? Да как сказать, ответственности

хватает, но бдительность и аккуратность – главное, что здесь требуется, а работы как таковой – физического труда – не так уж много. Менять сигнал семафора, поддерживать его в порядке, время от времени поворачивать эту железную ручку – собственно, и все. Что до нескончаемо долгих одиноких часов, им тут проведенных (меня сильно это впечатляло), то сигнальщик просто сказал, что так уж сложилась его жизнь и он с этим свыкся. Он самостоятельно выучил здесь иностранный язык – если можно это так назвать, поскольку учил его только по книгам, а о произношении слов имеет лишь самое примитивное понятие. Решал задачи с дробями – простыми и десятичными, пробовал заняться и алгеброй, но с математикой он еще со школы не в ладах. Всегда ли по долгу службы ему необходимо оставаться в этом сыром ущелье и может ли он хоть изредка выбираться из этого каменного мешка на солнышко? Что ж, когда как. Зависит от обстоятельств: бывает, линия перегружена, бывает – нет; имеет значение и разное время суток. В ясную погоду он улучал часок-другой и поднимался в горку проветриться, но, поскольку его в любую минуту могли вызвать, с удвоенным беспокойством прислушивался тогда к электрическому звонку, так что даже короткая вылазка, сами понимаете, особого удовольствия ему не доставляла.

Сигнальщик повел меня к себе в будку: там горел очаг, на столе лежал служебный журнал, в котором ему полагалось делать записи; тут же находились телеграфный аппарат с диском, циферблатом и стрелками, а также электрический звонок, о котором он уже упоминал. Выразив надежду, что его не заденет мое предположение, я заметил, что он, по-видимому, получил неплохое образование и, вероятно (тут я снова повторил, что не имею ни малейшего намерения его обидеть), достаточно основательное для того, чтобы претендовать на лучшее место в жизни; сигнальщик согласился, что примеры названного несоответствия в изобилии отыщутся среди представителей самых разных слоев общества – обитателей рабочих домов, полицейских и даже тех, кто в порыве отчаяния не нашел ничего лучшего, как записаться в солдаты; насколько ему известно, примерно так же обстоит дело и с персоналом почти любой крупной железнодорожной компании. В молодости (мне, видя его в этой хибарке, трудно в такое поверить – ему самому верится с трудом) он изучал натурфилософию, посещал лекции, но сбился с пути, пренебрег возможностями, скатился на дно, откуда так и не сумел подняться. Но жаловаться на судьбу ему незачем. Что посеял, то и приходится пожинать. Жизнь заново не начнешь.

Все, что я тут сжато пересказал, сигнальщик поведал мне неторопливо и размеренно, сохраняя серьезный и сосредоточенный вид и отвлекаясь изредка на то, чтобы поворошить в очаге угли. Время от времени, обращая ко мне, он вставлял словечко «сэр», особенно когда вспоминал годы юности, словно желая дать мне понять, что не притязает ни на какой иной статус, кроме нынешнего. Раза два-три раздавался звонок: он прочитывал сообщения и передавал ответ. Однажды должен был выйти наружу: встретить проходивший поезд, выставить флажок и обменяться парой слов с машинистом. Обязанности свои он исполнял на редкость пунктуально, с превеликой старательностью, прерывая рассказ на полуслове и не возобновляя его до тех пор, пока все необходимые действия не были выполнены.

Короче говоря, я считал бы сигнальщика надежнейшим исполнителем своего профессионального долга, если бы не одно обстоятельство: во время нашего разговора он дважды умолкал и с вытянутым лицом оборачивался к звонку, вовсе НЕ звонившему, распахивал дверь будки (она была закрыта, чтобы не впускать внутрь нездоровой сырости) и, выглянув, всматривался в красный семафор у входа в туннель. Оба раза он возвращался к огню в непонятной оторопи, которую я приметил в нем (не в силах ее разгадать) еще раньше, издавека.

Вставая с места, чтобы откланяться, я сказал:

– Вы почти уверили меня в том, что я свел знакомство с человеком, вполне довольным судьбой.

(Не скрою, что на самом деле этой фразой я рассчитывал вызвать его на откровенность.)

– Думаю, так оно когда-то и было, – отозвался он тем же приглушенным голосом, что и

в самом начале, – но душа у меня, сэр, не на месте, совсем не на месте.

Он охотно вернул бы сказанное, если бы только мог. Но слова уже вырвались, и я не преминул за них ухватиться.

– Отчего же? Что вас тяготит?

– Это непросто передать, сэр. Очень, очень непросто. Если вы снова ко мне заглянете, я попробую.

– Но я и вправду намерен вас навестить еще раз. Скажите когда?

– Я ложусь спать рано утром, но заступлю на дежурство завтра в десять вечера, сэр.

– Я приду в одиннадцать.

Сигнальщик поблагодарил меня и вышел проводить за дверь.

– Я, сэр, выставлю белый свет, – произнес он негромко, – пока вы не найдете тропу наверх. А найдете – не окликайте меня! И когда взберетесь на вершину – тоже не окликайте!

Он так это сказал, что меня пробрало ознобом, но я только кивнул:

– Да-да, хорошо.

– И когда спуститесь завтра вечером вниз – не окликайте! Позвольте на прощание задать вам один вопрос: почему вы крикнули сегодня «Эге-ге, там, внизу!»?

– Да бог его знает. Крикнул что-то – сам точно не вспомню...

– Не что-то, сэр. Те самые слова. Мне они хорошо известны.

– Допустим, именно так я и крикнул. Почему? Конечно же потому, что увидел внизу вас.

– Только по этой причине?

– По какой же еще?

– У вас не было ощущения, что вам внушили их каким-то сверхъестественным способом?

– Нет.

Сигнальщик пожелал мне доброй ночи и занялся семафором. Я двинулся вдоль железнодорожной линии в поисках тропы (испытывая весьма неприятное чувство, будто сзади меня нагоняет поезд). Вскрабкиваться в гору легче, чем спускаться, и я добрался до гостиницы без каких бы то ни было осложнений.

Верный данному слову, следующим вечером я ступил на первый изгиб змеистой дорожки ровно в одиннадцать вечера, едва до меня донесся отдаленный бой часов. Сигнальщик ждал меня у подножия, в семафоре горел белый свет.

– Всю дорогу молчал, как велели, – начал я, как только мы сошлись, – теперь-то можно говорить?

– Разумеется, сэр.

– Тогда добрый вечер, вот вам моя рука.

– Добрый вечер, сэр, а вам моя.

Обменявшись рукопожатием, мы направились бок о бок к будке, вошли в нее, прикрыли дверь и расположились у очага.

– Я принял решение, сэр, – подавшись вперед, заговорил сигнальщик почти что шепотом, – не заставляйте вас дважды меня расспрашивать о моих тревогах. Вчера вечером я принял вас за кого-то другого. Потому и места себе не нахожу.

– Из-за своей ошибки?

– Нет. Из-за того – другого.

– Кто же он?

– Не знаю.

– Похож на меня?

– Не знаю. Лица его я не видел. Лицо заслоняла левая рука, а правой он размахивал – что есть мочи. Вот так.

Он показал мне, как именно, – в его жесте мне почудились крайнее возбуждение и исступленный призыв: «Ради бога, прочь с дороги!»

– Однажды лунной ночью, – начал свой рассказ сигнальщик, – сидел я вот здесь и вдруг

услышал крик: «Эге-ге, там, внизу!» Вскочил с места, выглянул за дверь и вижу: тот самый «кто-то» стоит у красного семафора возле туннеля и машет рукой, как я вам только что показал. Голос у него охрип от крика, но он не умолкал: «Берегись! Берегись!» И снова: «Эге-ге, там, внизу! Берегись!» Я схватил фонарь, включил в нем красный свет и кинулся навстречу с возгласами: «Что там такое? Что случилось? Где?» Человек почти сливался с чернотой туннеля. Вблизи было непонятно, почему глаза у него закрыты рукавом. Я подбежал вплотную и только протянул руку – отвести рукав, как он исчез.

– В туннеле? – спросил я.

– Нет! Я ринулся в туннель, промчался ярдов с полсотни. Остановился, поднял фонарь над головой: там были цифры разметки да потеки на стенах. Наружу я выскочил еще быстрее (там, в туннеле, мне стало невыносимо тошно), при свете красного фонаря осмотрел красный фонарь семафора, поднялся по железной лесенке на верхнюю площадку, спустился и бросился к себе в будку. Телеграфировал в оба конца: «Подан сигнал тревоги. Что произошло?» Мне с обеих сторон ответили: «Все спокойно».

Стараясь не замечать ледяной щекотки, медленно пробежавшей у меня по спине, я попытался убедить сигнальщика в том, что померещившаяся ему фигура – не что иное, как следствие оптического обмана; известно, что некоторые пациенты, страдающие подобными галлюцинациями (а возникают они в результате расстройства чувствительных нервов, которые обеспечивают зрительное восприятие), вполне отдают себе отчет в природе этого недуга и даже способны доказать его происхождение с помощью поставленных на себе экспериментов.

– Что касается воображаемого крика, – заключил я, – вслушайтесь только на минуту в завывания ветра внутри этой искусственной теснины – как он неистово гудит в телеграфных проводах.

Все это верно, согласился сигнальщик после того, как мы немного посидели молча; уж кому-кому, а ему ли не знать о свойствах здешнего ветра и проводов: немало долгих зимних ночей он провел тут в одиночестве, к ним прислушиваясь. Затем он попросил меня обратить внимание на то, что рассказ его еще не окончен.

Я принес свои извинения – и он, тронув меня за руку, неторопливо продолжил:

– Спустя шесть часов после Видения на линии случилась памятная железнодорожная катастрофа, и не позже, чем через десять часов, сквозь туннель пронесли погибших и раненых – мимо того места, где стоял тот человек.

Меня бросило в дрожь, но я постарался с собой совладать. Совпадение ошеломляющее, нечего и говорить, подтвердил я: настолько исключительное, что оно не могло не поразить моего нового знакомого. Однако не приходится сомневаться, что исключительные совпадения – отнюдь не редкость: в подобных случаях об этом необходимо помнить. Впрочем, признавая это, я счел необходимым добавить (мне показалось, будто мой собеседник собирается возразить), что люди здравомыслящие в повседневной жизни случайным совпадениям серьезного значения не придают.

Сигнальщик вновь взмолился позволить ему довести историю до конца.

Я вновь принес свои извинения за то, что поневоле его прервал.

– Случилось это, – он опять тронул меня рукой, глянув ввалившимися глазами себе за спину, – ровно год тому назад. Минуло полгода или чуть больше, я понемногу оправился от внезапного потрясения, и вот однажды ранним утром стою в дверях... бросил взгляд на красный семафор, а там – опять призрак.

Он замолчал, не сводя с меня глаз.

– Он крикнул?

– Нет. Молчал.

– Махал рукой?

– Нет. Склонился к опоре семафора и закрыл лицо руками. Вот так.

Я проследил за его движениями. Это был жест скорбного отчаяния. В такой позе изображают каменные изваяния на надгробиях.

– Вы подошли к нему?

– Вернулся в будку и опустил на стул – отчасти собраться с мыслями, отчасти справиться с дурнотой. Когда шагнул наружу, уже совсем рассвело, а призрака и след простыл.

– И ничего такого не стряслось? Обошлось без последствий?

Сигнальщик постучал мне по руке указательным пальцем, всякий раз сопровождая прикосновение многозначительным кивком:

– В тот самый день я заметил в окне поезда, выходявшего из туннеля, какую-то суматоху: чьи-то головы, руки, кто-то чем-то размахивал. Я успел подать сигнал машинисту – и остановить поезд. Он выпустил пар, повернул кран тормоза, но состав по инерции проехал вперед еще на полторы сотни ярдов, если не больше. Я ринулся вдогонку и на бегу услышал жуткие крики и рыдания. В одном из вагонов внезапно скончалась молодая красивая девушка: тело принесли ко мне в будку и положили вот тут, на полу, между вами и мной.

Я невольно отодвинулся в сторону вместе со стулом и перевел взгляд с половиц на сигнальщика.

– Да-да, сэр. Именно так. Все в точности так и произошло, как я вам рассказал.

Я не находил слов: добавить было нечего, во рту пересохло. Рассказ сигнальщика подхватил протяжный и жалобный плач ветра в телеграфных проводах.

– Вот так, сэр, – снова заговорил сигнальщик, – судите сами, насколько все это выбило меня из колеи. Призрак вернулся неделю тому назад. С тех пор он тут нет-нет да и появится.

– У семафора?

– Когда горит красный свет.

– И как себя ведет?

Сигнальщик с еще более отчаянной и красноречивой жестикуляцией повторил прежнюю немую пантомиму: «Ради бога, прочь с дороги!»

– Теперь нет мне ни сна, ни покоя. Призрак в мучительном отчаянии – минута за минутой – вызывает ко мне: «Там, внизу! Берегись, берегись!» Стоит и машет мне. Звонит в звонок...

– А звонил он, – ухватился я за эту зацепку, – вчера вечером, когда я был у вас и вы ходили к двери?

– Звонил дважды.

– Вот видите, – заметил я, – как воображение сбивает вас с толку. Звонок был у меня перед глазами, уши у меня не заложены – и, ей-же-ей, НИКАКИХ звонков в те моменты не раздавалось. До и после – тоже, кроме тех звонков вполне естественного происхождения, когда вас вызывали со станции.

Сигнальщик покачал головой:

– Я на этот счет сроду не ошибался, сэр. Звонок призрака со служебным пока ни разу не путал. Когда звонит призрак, звонок совсем по-особому, странно вибрирует – и я вовсе не утверждал, будто эта вибрация заметна глазу. Неудивительно, что вы ничего не слышали. Зато я слышал.

– И когда вы выглянули за дверь, вам померещился призрак?

– Он БЫЛ там.

– Оба раза?

– Оба раза, – твердо заявил сигнальщик.

– Вы не подойдете сейчас к двери со мной – посмотрим вместе?

Сигнальщик покусал губы, словно борясь с собой, но поднялся с места. Я открыл дверь и шагнул на ступеньку, тогда как он задержался у косяка. Горел красный сигнал: «Путь закрыт». Мрачно темнел вход в туннель. Узкий проход ограждали высокие стены из влажного камня. На небе сияли звезды.

– Вы его видите? – спросил я, пристально изучая лицо сигнальщика. Взгляд его казался напряженным и сосредоточенным, но, наверное, таким же был и мой, когда я перевел глаза в

ту же точку.

– Нет, не вижу. Его там нет.

– Согласен.

Мы вернулись в хижину, затворили дверь и уселись на прежние места. Я мысленно прикидывал, как бы получше воспользоваться этим удачным, если его так можно назвать, поворотом, но сигнальщик возобновил разговор совершенно будничным тоном, точно не произошло ничего примечательного, и я почувствовал себя обескураженным.

– Теперь, сэр, думаю, вы вполне уяснили суть дела: меня терзает мучительный вопрос – чего он хочет, этот призрак?

Я ответил, что, пожалуй, не совсем улавливаю, в чем, собственно, суть.

– О чем он предупреждает? – задумчиво продолжал сигнальщик, глядя на огонь и лишь изредка оборачиваясь ко мне. – В чем заключается опасность? Откуда она исходит? Где-то на линии таится угроза. Случится какое-то страшное бедствие. После всего происшедшего сейчас, в третий раз, сомневаться в этом не приходится. Но пока для меня это жестокое наваждение. Что мне делать? – Он вытащил из кармана носовой платок и стер капли пота с разгоряченного лба. – Телеграфировать об опасности в одну или другую сторону линии или же сразу в обе никаких оснований нет. – Сигнальщик обтер платком ладони. – Пользы это не принесет, а у меня будут неприятности. Меня сочтут помешанным. Выйдет вот что. Сообщение: «Опасность на линии. Примите меры». Ответ: «Какая опасность? Где именно?» Сообщение: «Неизвестно. Но, ради бога, будьте начеку!» Меня уволят. А как же иначе?

На его душевные терзания тяжело было смотреть. Бедняга невыносимо страдал из-за своей добросовестности, не в силах противостоять непонятной угрозе, которой подвергались чужие жизни.

– Когда призрак впервые явился под красным семафором, – сигнальщик, отведя назад свои черные волосы, в лихорадочном волнении принялся потирать виски, – почему он не сообщил мне, где должна произойти авария, если ее нельзя избежать? Почему не сообщил мне, каким образом ее предотвратить – если возможно предотвратить? А когда явился снова, закрыв лицо, почему бы вместо того прямо не оповестить: «Девушка умрет. Нельзя отпускать ее из дома»? Если, явившись вот так дважды, призрак преследовал единственную цель – показать, что его предупреждения сбываются, и подготовить меня к третьему визиту, почему бы прямо не поставить меня в известность уже сейчас? А кто я такой, Господи? Простой сигнальщик на этой богом забытой станции! Почему бы ему не явиться лицу влиятельному – кому все поверят, кого послушают?

Видя беднягу в таком состоянии, я уяснил, что и ради его собственного блага, и во имя общественной безопасности единственное, чем я могу ему помочь, – это его успокоить. Посему, не касаясь более вопроса о реальной или сверхъестественной природе случившегося, я постарался внушить ему, что любому добросовестному служащему необходимо держать себя в здравии и, если зловещий феномен ему непонятен, пусть утешает себя тем, что назубок знает свой долг. В этом я преуспел значительно больше, нежели в попытках убедить его в иллюзорности им виденного. Сигнальщик успокоился, внимание его переключилось на его ночные обязанности, и в третьем часу я с ним расстался. Я предлагал задержаться до утра, но он и слышать об этом не желал.

Взбираясь по тропе вверх, я не раз и не два оглядывался на красный семафор – и оглядывался с беспокойством; я подумал, что мне вряд ли мирно спалось бы от его соседства, – все это так, не скрою. Крайне угнетали меня и мысли о двух несчастных случаях подряд и о мертвой девушке. Не стану умалчивать и об этом.

Но более всего мучил меня вопрос, как я должен действовать, будучи посвященным во все эти неизвестные прочим обстоятельства? Я удостоверился воочию в полной разумности, неусыпной бдительности, редком усердии и пунктуальности сигнальщика, но сколь долго он сумеет сохранять в себе эти качества – при таком-то душевном разладе? Должность у него незначительная, однако в высшей степени ответственная, и решил бы, к примеру, я сам с риском для жизни положиться на его способность нести службу с прежней

неукоснительностью?

Тем не менее я чувствовал, что обратиться к начальству железнодорожной компании – через голову сигнальщика, не посоветовавшись с ним и не выработав компромисса, – будет в известном смысле предательством; в итоге я собрался предложить ему (пока что сохраняя все в полной тайне) совместно отправиться за советом к наиболее опытному из практиковавших в данной местности медиков. По словам сигнальщика, через день расписание у него будет таким же: он освободится спустя час-другой после рассвета, а заступит на дежурство вскоре после захода солнца. В соответствии с этим мы и условились о моем визите.

Вечер того дня выдался на славу, и я вышел пораньше, чтобы им насладиться. Когда я брел по полевой тропе близ верхушки откоса, солнце еще не село. Растяну-ка свою прогулку еще на часик, подумалось мне: полчаса туда и полчаса обратно – и как раз подойдет время явиться в будку сигнальщика.

Прежде чем продолжить прогулку, я приблизился к краю откоса и машинально бросил взгляд вниз с того самого места, откуда увидел сигнальщика впервые. Не подыщу слов для описания своего ужаса: у самого входа в туннель маячила человеческая фигура – левым рукавом она заслоняла глаза, а правой рукой неистово размахивала в воздухе.

Мое оцепенение длилось недолго: это и в самом деле был человек, а чуть поодаль толпились другие люди, к которым он и обращал свой жест. Красный фонарь семафора не горел. Вблизи его опоры – что было для меня новостью – из деревянных кольев и брезента соорудили низкий шалашик, размерами не больше балдахина над кроватью.

Не в силах побороть дурного предчувствия (я запоздало упрекал себя в том, что оставил сигнальщика одного, не поручил никому за ним присмотреть и проследить за его действиями – из-за этого, быть может, и случилось несчастье), я опрометью сбежал по извилистой тропе.

– Что случилось? – выдохнул я.

– Утром погиб сигнальщик, сэр.

– Дежурный из этой будки?

– Именно, сэр.

– Тот самый, мой знакомый?

– Если знакомый, сэр, то вы его узнаете, – произнес человек, отвечавший мне за всех остальных, и, скорбно обнажив голову, приподнял край брезента. – Лицо у него ничуть не пострадало.

– Но как же это случилось, как случилось? – твердил я, поочередно обращаясь к собравшимся, когда брезент вернули на место.

– Его сбил паровоз, сэр. В Англии не сыскать было человека, который лучше знал бы свое дело. Но он почему-то не отошел на изгибе от наружного рельса. Случилось это среди бела дня. Сигнальщик зажег семафор, в руке у него был фонарь. Когда паровоз показался из туннеля, он стоял спиной к нему, и паровоз на него наехал. Вел состав вот этот машинист: он нам сейчас показывал, как все это произошло. Покажи еще раз джентльмену, Том.

Том, в грубой темной робе, занял прежнее место возле горловины туннеля.

– Проезжаю я изгиб туннеля, сэр, – пояснил он, – и в конце вижу сигнальщика, как если бы смотрел на него в подзорную трубу. Времени сбавить скорость уже не было, а об его крайней осторожности кто только не знал. Свистка он, кажется, не слышал, и я его отключил: мы же вот-вот должны были на него наехать – ну я и крикнул ему что было мочи.

– И что вы крикнули?

– Эге-ге, там, внизу! Берегись! Берегись! Ради бога, прочь с дороги!

Я вздрогнул.

– Ох, какого ужаса я натерпелся, сэр. Уж я кричал ему, кричал. А глаза загородил рукой, чтобы ничего не видеть, но рукой махал до последнего, только что толку?

Не стану ничего добавлять к моему рассказу, уточняя ту или иную подробность; отмечу только напоследок странное совпадение: машинист выкрикнул не только те слова, которые

навязчиво преследовали злополучного сигнальщика, но также и другие, которые домыслил я сам, причем про себя – когда тот воспроизводил жесты призрака.